

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О ТѢЛЕСНОМЪ ВЪ РУССКИХЪ ВОЙСКАХЪ НАКАЗАНІИ,

ПО ПРАВИЛАМЪ ВОЕННОЙ ДИСЦИПЛИНЫ.

(По поводу новаго Военскаго Устава о наказаніяхъ.)

Правительство наше, въ постоянной заботливости объ улучшеніи военнаго быта, всегда обращало особенное вниманіе на усовершенствованіе военно-уголовнаго законодательства. Такъ и теперь, когда опытъ и время обнаружили недостатки и несовершенства нынѣ дѣйствующаго Военно-Уголовнаго Устава, повелѣно было, для устраненія возникающихъ затрудненій въ примѣненіи на практикѣ этихъ законовъ, подвергнуть Уставъ тщательному и систематическому пересмотру. При чемъ вмѣнено было въ обязанность руководствоваться тѣми же началами, которымъ слѣдовали при составленіи въ 1845 году общаго уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, заимствуя изъ него все, что будетъ признано удобнымъ, но отнюдь не ослабляя строгости военныхъ законовъ.

Ближайшая же цѣль систематическаго исправленія Военно-Уголовнаго Устава указана была въ слѣдующихъ выраженіяхъ всеподданнѣйшаго по сему предмету доклада: «Новый Военно-Уголовный Уставъ долженъ быть собраніемъ очищенныхъ, приведенныхъ въ порядокъ и ясность, дополненныхъ и исправлен-

ныхъ, но однакожь не измѣненныхъ въ общемъ составѣ и сущности своей, прежнихъ нашихъ военно-уголовныхъ законовъ.»

Столь важный и обширный трудъ нынѣ оконченъ въ видѣ проекта новаго Воинскаго Устава о наказаніяхъ. При составленіи этого проекта, какъ видно изъ приложенныхъ къ нему объяснительныхъ записокъ, приняты были въ соображеніе не только источники, представляемые отечественнымъ законодательствомъ, но чтобы воспользоваться опытомъ и другихъ образованныхъ народовъ на этомъ поприщѣ, и лучшіе иностранные военно-уголовные законы, преимущественно же французскіе, австрійскіе, прусскіе, сардинскіе и ганноверскіе — однимъ словомъ, при составленіи новаго устава не упущено было изъ виду ни одного пособия, которое доставляетъ въ этомъ дѣлѣ наука и опытъ, что, конечно, можетъ служить полнымъ ручательствомъ въ совершенномъ, по возможности, исполненіи этого многосложнаго и долготѣняго труда.

Новый Воинскій Уставъ дѣйствительно отличается не только строгою, ясною системою изложенія, устраняющею всякій поводъ къ недоразумѣнію, неопредѣлительности, сбивчивости, которыя составляли одинъ изъ главныхъ недостатковъ прежняго устава, но и болѣе правильнымъ опредѣленіемъ видовъ преступленій, представляющимъ возможность ввести справедливую соразмѣрность въ назначеніи мѣры наказанія, съ дѣйствительною важною преступленія. Вступая въ новую эпоху усовершенствованій, военно-уголовные законы наши вводятъ смягченіе тѣлесныхъ наказаній, и тѣмъ ясно указываютъ на стремленіе правительства возвысить нравственное чувство солдатъ, такъ какъ уменьшеніе тѣлесныхъ наказаній лучше всего способствуетъ достиженію этой цѣли.

Не смотря, однакожь, на всѣ данныя въ пользу успѣшнаго выполнения этого важнаго труда, для доставленія возможности рѣшить съ большею основательностью возникшіе вопросы, сомнѣнія и противоположныя мнѣнія, при обсужденіи постановленій, вновь вводимыхъ въ существующую систему наказаній, Государь Императоръ повелѣтъ соизволилъ: проектъ новаго Воинскаго Устава о наказаніяхъ, съ слѣдующими къ нему объяснительными записками, внести на разсмотрѣніе генераль-аудиторіата и въ немъ присутствовать сенатору тайному совѣтнику Капгеру, на котораго возложено было составленіе проекта: независимо же отъ сего препроводить проектъ къ воинскимъ на-

чальникамъ до полкового командира включительно, для предварительнаго обсуждения его во всѣхъ подробностяхъ и доставленія по оному своихъ соображеній и замѣчаній.

Мѣра эта, соединяя, такъ сказать, теорію и познанія, основанныя на глубокомъ изученіи уголовного законодательства, столь необходимыя для выполненія обширнаго труда, какой представляетъ составленіе новаго Воинскаго Устава о наказаніяхъ съ свѣдѣніями практическими, составляющими неотъемлемое достояніе ближайшихъ воинскихъ начальниковъ, должна естественно содѣйствовать успѣшному достиженію предположенной правительствомъ цѣли. Даже допуская, что по вопросамъ, относящимся собственно до военно-уголовнаго законодательства, понятія у насъ между военными еще не установились, тѣмъ не менѣе, мнѣнія начальниковъ не могутъ не имѣть важнаго значенія, во всемъ, касающемся до сохраненія въ войскахъ дисциплины и военного порядка. Воинскіе начальники ближе знакомы съ бытомъ военнымъ во всѣхъ его подробностяхъ, съ нравственнымъ состояніемъ войскъ и съ ихъ современными потребностями, а потому съ большею правильностію могутъ оцѣнить достоинство и недостатки новыхъ постановленій вводимыхъ въ проэктъ Воинскаго Устава о наказаніяхъ и примѣнимости ихъ на дѣлѣ. И въ томъ даже случаѣ, если бы замѣчанія, доставленные отъ войскъ, и не оказали большаго вліянія на существенное исправленіе проэкта новаго Воинскаго Устава о наказаніяхъ, то и тогда мѣра эта принесетъ немалую пользу, доставивъ воинскимъ начальникамъ средство предварительно ознакомиться съ духомъ и системою новаго военно-уголовнаго законодательства, которое въ скоромъ времени предполагается обнародовать.

Цѣль нашего труда ограничивается разсмотрѣніемъ только одной изъ многихъ частей новаго Устава, именно той, которая объемлетъ тѣлесныя наказанія, опредѣляемыя за проступки нижнихъ чиновъ, по правиламъ военной дисциплины. При теперешнемъ стремленіи къ возвышенію нравственнаго чувства солдата, правильное рѣшеніе этого вопроса должно обратить на себя особенное вниманіе военныхъ людей, такъ какъ примѣнимость постановленій о сихъ наказаніяхъ имѣетъ особенное вліяніе на поддержаніе нравственности и дисциплины въ войскахъ.

Но прежде, чѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію этого вопроса, мы считаемъ полезнымъ бросить бѣглый взглядъ на постепенное вообще ослабленіе военныхъ наказаній, заимствуя для сего свѣдѣнія изъ Полнаго Собранія Законовъ; а въ особенности изъ объяснительныхъ записокъ, изданныхъ при проэктѣ новаго Военскаго Устава о наказаніяхъ и заключающихъ въ себѣ богатый матеріалъ для подобнаго рода изслѣдованій.

I.

Во всѣхъ государствахъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, имѣвшихъ постоянныя войска, военное сословіе находилось въ иныхъ условіяхъ жизни, нежели всѣ прочія государственныя сословія. Необходимость строгаго порядка дисциплины требовала принятія соотвѣтствующихъ мѣръ къ ихъ поддержанію. Проступокъ, неважный для гражданина, пріобрѣталъ особенное значеніе въ военномъ быту; то, что иногда для перваго считалось проступкомъ, принимало въ войскахъ часто значеніе преступленія. Отъ этого—то законы военные всегда были строже общихъ законовъ государства.

Кромѣ того, постепенное отчужденіе военнаго быта отъ гражданской жизни и обычаевъ, охлажденіе къ страданіямъ человѣческимъ, вслѣдствіе непрерывныхъ зрѣлищъ ужаса и бѣдствій на ратномъ полѣ и въ раззоряемыхъ войною странахъ, удобность вознаградить собственный недостатокъ чужимъ имуществомъ, возможность иногда пожить на чужой счетъ, на счетъ непріятеля; наконецъ, преимущество, которое даетъ оружіе надъ мирными и иногда беззащитными жителями, — вотъ главные поводы къ преступленіямъ, которыя болѣе или менѣе являлись и еще являются въ войскахъ, и съ самыхъ древнѣйшихъ временъ требовали особенной строгости военныхъ узаконеній.

Но если строгость и была всегда существенною необходимостію военныхъ законовъ, составляя отличительную ихъ черту, то нельзя, однакожь, отрицать, что жестокость установленныхъ наказаній всегда зависѣла отъ степени развитія народа и его нравственнаго состоянія. Изслѣдованіе о постепенномъ смяг-

ченіи наказаній можетъ указать и на послѣдовательное развитіе нравственныхъ идей въ народѣ. Тамъ, гдѣ постепенно улучшался народный бытъ, гдѣ распространялось образованіе, смягчались нравы, тамъ уменьшалась и самая жестокость наказаній. Въ особенности это замѣтно въ отношеніи наказаній, существующихъ въ арміяхъ въ мирное время, потому что во время войны, какъ составляющей исключительное положеніе, свойства наказаній обусловливаются особенными исключительными обстоятельствами, въ которыхъ поставлена армія.

Въ древнія времена, у Грековъ и Римлянъ, самыя жестокія наказанія состояли: въ убиваніи виновнаго дубинами и камнями, производимомъ товарищами; въ отсѣченіи головы и другихъ смертныхъ казняхъ. Въ случаѣ преступленія цѣлыхъ частей войска и невозможности узнать зачинщиковъ, прибѣгали къ *децимаціи*, употребленной въ первый разъ римскимъ консуломъ Аппіемъ Клавдіемъ въ 304 году по основаніи Рима. Она состояла въ наказаніи смертью каждаго десятаго человѣка отряда войскъ или даже цѣлой арміи, начиная съ праваго фланга. Въ Средніе Вѣка и позже употреблялись: посаженіе на деревянную лошадь или пушку съ привѣшенными къ погамъ ядрами, выставка у позорнаго столба, клейменіе, изувѣченіе посредствомъ отсѣченія руки, пальца, ушей, носа, убіеніе товарищами. Послѣднее, сопровождавшееся самыми возмутительными обрядами, употреблялось по преимуществу между нѣмецкими ландскнехтами. Въ Средніе Вѣка и децимація была въ большомъ ходу.

Со времени Тридцатилѣтней войны, столь жестокія и варварскія наказанія начали мало по малу выходить изъ употребленія. Нравы, постепенно улучшаясь отъ различныхъ условій и въ особенности отъ распространения образованія, не требовали уже для своего исправленія прежнихъ ужасныхъ каръ. Даже самое тѣлесное наказаніе, бывшее въ употребленіи у всѣхъ древнихъ и новыхъ народовъ, кромѣ Грековъ (*), постепенно смягчаясь въ арміяхъ, нынѣ въ прусской, французской и другихъ, частію вовсе уничтожены, частію оставлены только един-

(*) Замѣчательно, что Греки, употребляя въ своихъ войскахъ также жестокія наказанія, считали *тѣлесныя* несогласными съ чувствами чести и достоинствомъ воина.

ственно для самых дурныхъ, неисправимыхъ нижнихъ чиновъ.

Этотъ краткій перечень наказаній въ войскахъ показываетъ, что военныя наказанія, сообразно съ духомъ времени и общей нравственностью всего народа, начинались если не жестокостями, то во всякомъ случаѣ строгостями, близко подходящими къ жестокости; ослабляясь постепенно, онѣ доходили уже до того, что даже самыя обыкновенныя тѣлесныя наказанія въ нѣкоторыхъ войскахъ совсѣмъ вышли изъ употребленія.

Та же самая постепенность въ смягченіи наказаній была и у насъ въ Россіи. Заимствованные иногда изъ другихъ государствъ, военные законы наши отличались тою же жестокостію, которая тогда была повсемѣстна въ Европѣ.

Въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича «для ратныхъ всякихъ чиновъ людей», опредѣлены за ихъ преступленія различныя наказанія. Самымъ, какъ видно, обыкновеннымъ наказаніемъ считалось: «бити кнутомъ», иногда «безъ пощады» или «нещадно», а также «бить батоги нещадно».

Наказанія эти преимущественно назначались за побѣги и воровство; замѣчательно, что даже за побѣгъ съ поля сраженія опредѣлялось только, при уменьшеніи на половину окладовъ, «бити кнутомъ нещадно» (*). Для нѣкоторыхъ случаевъ были наказанія болѣе строгія — смерть и изувѣченіе. Такимъ образомъ, за переходъ къ неприятелю и переносъ вѣстей назначалось виновному: «повѣсить противъ неприятельскихъ волковъ»; за смертоубійство и изнасилованіе — «казнить смертію», «а буде кто на службѣ у кого украдетъ лошадь, и ему за тое татьбу руку отсѣчь» (**). Во время польской войны 1659 года, вслѣдствіе значительнаго числа побѣговъ изъ войскъ, въ то время, когда преступленіе это начало проявляться весьма часто, была усилена и мѣра наказанія: «а которые, съ службы сбѣжавъ, въ дома свои пріѣдутъ, и ихъ ловить и вѣшать» (***).

Наказанія, опредѣленные Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича, безъ важныхъ измѣненій, имѣли свое дѣйствіе до 1716 года. Съ постепеннымъ преобразованиемъ военной части и устройствомъ арміи по примѣру другихъ европейскихъ госу-

(*) Глава VII, ст. 19.

(**) Глава VII, ст. 20, 29, 30.

(***) Именной указъ 26-го іюля 1659 года.

дарствъ, оказалось необходимымъ во многомъ измѣнить и дополнить прежнія узаконенія о воинскихъ преступленіяхъ. Этотъ трудъ взялъ на себя самъ императоръ Петръ Великій. Къ изданному имъ Воинскому Уставу приложены, подъ названіемъ Воинскихъ Артикуловъ, особыя статьи (числомъ 209), заключающія въ себѣ военно-уголовные законы.

При составленіи Воинскихъ Артикуловъ приняты въ соображеніе лучшіе иностранные военно-уголовные законы, и въ особенности датскіе и шведскіе. Наказанія, ими опредѣленные, соотвѣтствовали преобладавшей въ то время не только въ нашихъ, но и въ другихъ уголовныхъ законодательствахъ, системѣ *устрашенія*. Наказанія эти, частію прежде существовавшія, частію вновь введенныя, отличались особенною строгостію, доходившею нерѣдко до жестокости. Смертная казнь имѣла нѣсколько болѣе или менѣе тяжкихъ видовъ: четвертованіе, колесованіе, сожженіе, отсѣченіе головы, которому въ нѣкоторыхъ случаяхъ предшествовало прожженіе языка раскаленнымъ желѣзомъ; повѣшеніе же и разстрѣливаніе принадлежали къ легкимъ видамъ смертной казни. Къ числу вновь введенныхъ строгихъ наказаній слѣдуетъ отнести тяжкое рушеніе чести или ошельмованіе, состоявшее въ преломленіи шпаги надъ головою преступника и объявленіи его воромъ, въ изгнаніи его изъ общества, въ недопущеніи къ свидѣтельству, въ запрещеніи принимать отъ него жалобы, какъ въ случаѣ причиненія ему обидъ или ранъ, такъ и въ случаѣ отнятія у него собственности его, даже посредствомъ насилія. Оно сопровождалось еще наказаніемъ кнутомъ, вырваніемъ ноздрей, наложеніемъ штемпелевыхъ знаковъ и ссылкой въ каторжную работу вѣчно или на время. Въ числѣ наказаній тѣлесныхъ, сверхъ существовавшихъ прежде, Воинскими Артикулами опредѣлены новыя менѣе строгіе ихъ виды: прогнаніе сквозь строй, посаженіе на деревянныхъ ословъ и лошадей, стояніе и хожденіе на деревянныхъ коляхъ и проч.

Большая строгость Воинскихъ Артикуловъ Петра Великаго противу Уложенія царя Алексѣя Михайловича, объясняемая отчасти введеніемъ новаго, непривычнаго для государства порядка вещей, а болѣе такую же строгостію въ другихъ современныхъ европейскихъ арміяхъ, смягчается введеніемъ болѣе легкихъ тѣлесныхъ наказаній. За то, въ Артикулахъ Петра упоминается и о самомъ жестокомъ наказаніи древнихъ и среднихъ

вѣковъ—децимаціи. По этому, въ 97 ст. Артикуловъ сказано: «а полки или роты, которые съ поля сраженія побѣгутъ, судить въ генеральномъ военномъ судѣ и, если найдется, что начальники тому причиной, то ихъ шельмовавъ и преломивъ надъ ними черезъ палача шпагу, повѣсить, а если виновны офицеры и рядовые, то первыхъ казнить, какъ сказано, а изъ послѣднихъ, по жребію, десятого, или какъ повелѣно будетъ, также повѣсить, а другихъ наказать шпицрутенами и сверхъ того, безъ знаменъ стоять имъ внѣ обоза, пока храбрыми своими дѣяніями загладятъ свое преступленіе; кто же докажетъ свою невинность, того пощадить».

Воинскіе Артикулы, дополняемые новыми узаконеніями, имѣвшими цѣлю смягченіе наказаній, дѣйствовали до 1812 г. Въ этомъ году издано Полевое Уголовное Уложеніе, которымъ жестокія наказанія, артикулами опредѣленные, вовсе отмѣнены, а наказанія слишкомъ строгія замѣнены другими, менѣе тяжкими. Но дабы не ослабить страха, внушаемаго военно-уголовными законами, Воинскіе Артикулы, и по изданіи новаго Уложенія, считались закономъ, имѣющимъ полную обязательную силу, такъ что низшимъ военнымъ судамъ вѣнено было постановлять приговоры по всей строгости Воинскихъ Артикуловъ, а власть смягченія и замѣны наказаній предоставлена только судамъ высшимъ и властямъ, подтверждающимъ приговоры. При такомъ наружномъ сохраненіи строгости Воинскихъ Артикуловъ, они уже не внушали въ войскахъ прежняго страха, потому что каждому было извѣстно, что постановленные по смыслу Артикуловъ строгія наказанія будутъ, при ревизіи въ высшемъ судѣ, смягчены или замѣнены другими.

Изданіемъ Военно-Уголовнаго Устава въ 1839 году отмѣнена прежняя двоякость нашихъ военно-уголовныхъ законовъ и всѣ существовавшія въ прежнее время постановленія соединены въ одно цѣлое. Съ нѣкоторыми измѣненіями, уставъ этотъ дѣйствуетъ до настоящаго времени. Измѣненія эти относятся въ особенности до тѣлесныхъ наказаній.

До 1825 года, кромѣ наказанія прогнаніемъ сквозь строй, какъ исправительнаго за преступленія, менѣе важныя лица военнаго вѣдомства, не изъятія отъ тѣлеснаго наказанія, при осужденіи въ каторжную работу и къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, приговаривались къ наказанію кнутомъ и плетью рукою палача, на томъ же основаніи, какъ и лица гражданскаго вѣ-

домства, при чемъ наказаніе кнутомъ сопровождалось для нижнихъ чиновъ наложеніемъ клеймъ на лбу и щекахъ.

Въ 1825 году состоялось Высочайшее повелѣніе, чтобы всѣ мѣста и лица, къ коимъ будутъ поступать на ревизію и окончательное рѣшеніе военно-судныя дѣла о нижнихъ чинахъ, тѣмъ изъ нихъ, которые подлежатъ по закону наказанію плетью, опредѣляли, вмѣсто плетей, наказаніе шпицрутенами. Послѣ того вскорѣ было отмѣнено и наказаніе кнутомъ, при осужденіи къ ссылкѣ въ каторжныя работы. Въ 1830 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе: «Наказаніе кнутомъ рукою палача, какъ наказаніе, не соотвѣтствующее военному званію, замѣнить для нижнихъ чиновъ, не изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, прогнаніемъ сквозь строй, безъ наложенія штепелевыхъ на лбу и щекахъ знаковъ».

Съ этого времени единственнымъ видомъ тѣлеснаго наказанія, назначаемого приговорами военныхъ судовъ, осталось для нижнихъ чиновъ, не изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, прогнаніе сквозь строй (*). Мѣра этого наказанія, введеннаго въ число военныхъ наказаній въ 1716 году и перешедшаго къ намъ изъ иностранныхъ военно-уголовныхъ законодательствъ, до 1830 года не была опредѣлена. Въ этомъ году высшая его мѣра ограничена прогнаніемъ сквозь строй черезъ 1,000 человѣкъ шесть разъ. Въ 1834 году она была уменьшена на половину, то есть до трехъ разъ черезъ 1,000. Наконецъ, 26 августа 1856 года, въ день священнаго коронованія, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы не назначать нижнимъ чинамъ наказанія шпицрутенами свыше 1,000 человѣкъ, опредѣляя оное, по мѣрѣ вины, прогнаніемъ сквозь строй отъ одного до десяти разъ чрезъ 100 человѣкъ, за исключеніемъ лишь случаевъ явнаго ослушанія и дерзости противъ начальства, особенно передъ фронтомъ, въ коихъ сія мѣра наказанія можетъ быть усиливается, но не иначе, какъ съ утвержденія приговора Высочайшею властію. Это послѣднее правило, относящееся до случаевъ исключительныхъ, было постановляемо и въ прежнихъ распоряженіяхъ 1830 и 1834 годовъ, при опредѣленіи высшей мѣры наказанія.

(*) Кромѣ козаковъ, у которыхъ осталось наказаніе плетью за преступленія, общія съ лицами гражданскаго вѣдомства.

II.

Изложенное нами достаточно подтверждаетъ сказанное выше, что жестокость военныхъ наказаній зависитъ отъ духа времени и степени нравственнаго образованія народа. Всѣ послѣдовавшія у насъ въ продолженіи послѣднихъ 35 лѣтъ узаконенія о тѣлесныхъ наказаніяхъ видимо клонились къ смягченію вообще наказаній, опредѣляемыхъ по приговору военныхъ судовъ. Высочайшее же повелѣніе 1856 года объ ограниченіи прогнанія сквозь строй чрезъ 1000 человѣкъ, за исключеніемъ случаевъ чрезвычайныхъ, служитъ началомъ новой эпохи нашего уголовного законодательства.

Постепенное смягченіе тѣлесныхъ наказаній по суду должно было бы имѣть вліяніе на уменьшеніе мѣры тѣлесныхъ наказаній безъ суда, *по правиламъ военной дисциплины*. Но до настоящаго времени остается еще въ своей силѣ прежній законъ, опредѣляющій власть командира полка на назначеніе виновнымъ безъ суда до 200 ударовъ розгами. Несообразность эта устраняется новымъ Уставомъ, который въ 124 ст. назначаетъ самое строгое дисциплинарное наказаніе только въ 100 ударовъ.

При обсужденіи сего предположенія, въ войскахъ оказались, какъ и должно было ожидать, различныя мнѣнія. Большинство признаетъ, что уменьшеніе тѣлесныхъ наказаній безъ суда вполне сообразно и съ введеннымъ уже въ законъ уменьшеніемъ наказаній по суду и съ принятыми нынѣ мѣрами къ умственному развитію нижнихъ чиновъ, съ помощью котораго можно поддержать нравственность въ войскахъ, не прибѣгая къ усиленнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ. На этомъ основаніи многіе, какъ намъ извѣстно, объявляютъ себя вполне въ пользу уменьшенія.

Другіе, ссылаясь на «полное знаніе ими русскаго солдата», находятъ, что «въ настоящее время уменьшеніе власти непосредственнаго начальника относительно исправительнаго тѣлеснаго наказанія не принесетъ ожидаемой пользы, потому что большее число солдатъ не понимаетъ еще своего достоинства, въ особенности тѣ, которые неоднократно проступками вынуждаютъ начальство прибѣгать къ строгимъ наказаніямъ». По ихъ мнѣнію, съ постепеннымъ только возвышеніемъ нравственнаго чувства солдата, и исправительное наказаніе можетъ быть

уменьшаемо. Или, говоря другими словами, на основаніи этого мнѣнія, еще рано уменьшать размѣръ дисциплинарныхъ тѣлесныхъ наказаній.

Чтобы мнѣніе это, не составляющее, впрочемъ, исключенія въ нашихъ войскахъ, не могло, при современномъ направленіи, показаться страннымъ, мы постараемся отыскать причину его существованія. Въ прежнее, еще не слишкомъ далекое отъ насъ время, когда въ большинствѣ жило понятіе о необходимости *устрашать* солдата для лучшаго исполненія имъ своихъ обязанностей, тѣлесныя наказанія были въ большомъ употребленіи. Кто не помнитъ той поры, когда на ученье нижніе чины сопровождались унтеръ-офицерами, имѣвшими въ дулѣ своихъ ружей палки. Кто не знаетъ, что исправительныя наказанія, безъ суда назначаемаы, далеко превышали тотъ размѣръ, который для того опредѣленъ закономъ, тѣмъ болѣе, что самое разграниченіе правъ начальниковъ на тѣлесное исправительное наказаніе окончательно установлено только въ 1845 году.

Положительно можно сказать, что еще весьма недавно тѣлесныя наказанія считались у насъ главнымъ, если не единственнымъ, средствомъ для достиженія успѣха въ фронтномъ образованіи солдата. Правда, къ чести нашего военного сословія, изъ этого почти общаго правила встрѣчались отрядныя исключенія, но примѣръ ихъ не оказывалъ большаго вліянія на укorenившееся понятіе. Такъ еще въ 1827 году графъ Витгенштейнъ возставалъ противъ тѣлеснаго наказанія за ученья, доказывая, что во все время командованія имъ полкомъ, нижніе чины за ученья не подвергались тѣлесному наказанію, а между тѣмъ полкъ его былъ изъ лучшихъ въ строевомъ отношеніи. Для поддержанія нравственности и дисциплины въ войскахъ, тѣлесное наказаніе въ общемъ мнѣніи составляло также вѣрнѣйшее и самое надежное средство.

Если же подобныя понятія были общими и держались въ нашей арміи съ давняго времени и многіе изъ насъ большую часть службы провели при примѣненіи къ дѣлу этой системы, можно ли ожидать, чтобы люди съ подобнымъ взглядомъ произвольно, по собственному сознанию, вдругъ отказались отъ прежнихъ своихъ убѣжденій.

Вотъ почему мнѣніе о преждевременномъ у насъ уменьшеніи тѣлесныхъ наказаній, ишѣя за собою привычку, считаетъ до сихъ поръ еще нѣсколько приверженцевъ въ рядахъ нашихъ армій, не-

смотря на явное ихъ противорѣчіе духу времени и современнымъ понятіямъ. И дѣйствительно, удерживать еще и въ настоящее время прежнюю систему тѣлесныхъ наказаній, во-первыхъ, было бы противно теперешнимъ понятіямъ о цѣли образованія солдата. Прежде, когда преобладала мысль о пользѣ дѣйствія войскъ массаи, подобное стремленіе къ достиженію, извѣстнымъ средствомъ, отчетливаго машиннаго дѣйствія каждымъ солдатомъ, въ общей совокупности, могло еще быть сколько нибудь терпимо. Но теперь, когда одиночное развитіе солдата стало необходимостію, прежній способъ достиженія полного его образованія оказывается несостоятельнымъ. Тѣлесныя наказанія не могутъ способствовать къ развитію тѣхъ свойствъ, которыя теперь необходимы для нижнихъ чиновъ, потому что они производятъ *страхъ*, и послѣдствіемъ страха торопливость и какой-то *столбнякъ*, столь часто замѣчаемый въ прежнихъ солдатахъ при разговорѣ или встрѣчѣ съ начальникомъ, и выражавшійся въ извѣстныхъ ихъ отвѣтахъ: «не могу знать», «сробѣлъ». Слѣдовательно, при обученіи нижнихъ чиновъ, наказанія тѣлесныя должны быть совершенно отстранены, какъ несоотвѣтствующія своей цѣли. Впрочемъ, это обстоятельство въ нашихъ войскахъ уже понято большинствомъ.

Во-вторыхъ, извѣстно уже, что съ уменьшеніемъ тѣлесныхъ по суду наказаній, на основаніи постановленія 1856 года, число преступленій въ войскахъ (какъ можно видѣть изъ числа преступленій, совершенныхъ въ той же части въ прежнее и послѣднее время), не только не увеличилось, но, напротивъ, уменьшилось. Если жъ такія послѣдствія имѣли уменьшеніе наказаній по суду, то нѣтъ причинъ предполагать, чтобъ не было такого же результата отъ облегченія дисциплинарныхъ наказаній, то есть тѣлесныхъ наказаній безъ суда. Что же касается мысли, что еще рано уменьшать дисциплинарныя тѣлесныя наказанія, то на это можно замѣтить, не говоря уже о томъ, что оставляя ихъ въ прежней силѣ, будетъ нарушена соразмѣрность наказаній по суду съ наказаніями по правиламъ военной дисциплины, что употребляя постоянно тѣлесныя наказанія, никогда нельзя будетъ перейти къ уменьшенію ихъ, потому что, сколько бы времени ни прошло, переходъ къ новой системѣ всегда будетъ казаться людямъ съ извѣстнымъ взглядомъ на предметъ дѣломъ труднымъ, опаснымъ и даже—несвоевременнымъ.

Прибавимъ въ подтвержденіе этой мысли, что у насъ въ войскахъ были примѣры изгнанія въ нѣкоторыхъ частяхъ почти совсѣмъ тѣлесныхъ наказаній, и нравственность нижнихъ чиновъ нисколько отъ того не страдала. Были также случаи, что, при всей строгости дозволенныхъ закономъ наказаній, въ нѣкоторыхъ частяхъ проступки случались очень часто. Но по назначеніи новаго командира, который въ той же части строгость наказаній замѣнялъ строгостью и неусыпнностью надзора, проступки уменьшались постепенно и, наконецъ, дѣлались совершенной рѣдкостью. Слѣдовательно, главное не въ строгости наказанія, а въ надзоръ.

Другое мнѣніе, высказанное по поводу уменьшенія въ новомъ Уставѣ дисциплинарныхъ наказаній, состоитъ въ томъ, что «охраненіе строгости военной дисциплины требуетъ и предоставленія начальникамъ особенной, выходящей изъ обыкновенныхъ предѣловъ, власти, дабы въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, примѣрнымъ наказаніемъ виновнаго, передъ строемъ, даже до 200 ударовъ, удерживать другихъ нижнихъ чиновъ отъ такихъ же противозаконныхъ поступковъ и такимъ образомъ оградить дисциплину отъ дальнѣйшаго нарушенія оной». Намъ кажется, что и это мнѣніе не вполне основательно: въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ здѣсь говорится и которые составляютъ рѣдкое исключеніе, виновные подлежатъ наказаніямъ всегда по суду, но если важность преступленія и происходящій отъ того вредный примѣръ для пресѣченія зла требуютъ самаго скораго и рѣшительнаго наказанія, въ такомъ случаѣ должно быть примѣняемо къ дѣлу постановленіе 328 ст. новаго Устава о наказаніяхъ: «Не почитается превышеніемъ власти... 2) когда военный начальникъ или иное должностное лицо, въ какихъ либо чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, возьметъ на свою отвѣтственность принятіе также чрезвычайной, болѣе или менѣе рѣшительной, мѣры и потомъ докажетъ, что она въ видахъ государственной пользы была необходима, или же, что по настоятельности дѣла онъ не могъ, безъ видимой опасности или вреда для службы, отложить принятіе сей мѣры до высшаго на то разрѣшенія». По нашему мнѣнію, это постановленіе вполне рѣшаетъ вопросъ, и притомъ выраженіе *докажетъ*, предохранитъ скорѣе всего отъ случаевъ превышенія власти въ отношеніи наказанія нижнихъ чиновъ, тогда какъ при прежнихъ постановленіяхъ, дозволявшихъ опредѣлять тѣлесныя безъ суда наказанія до 200

ударовъ, произволь начальника остается безъ всякаго со стороны старшаго начальства контроля.

И такъ, изъ всего до сихъ поръ нами сказаннаго о 124 статьѣ, можно несомнѣнно вывести заключеніе, что уменьшеніе мѣры тѣлеснаго безъ суда наказанія, какъ сообразное и съ прочими наказаніями, вполне соотвѣтствуетъ своей цѣли и нѣтъ никакой надобности увеличивать опредѣленный его размѣръ дисциплинарныхъ наказаній.

III.

Въ разсматриваемомъ проектѣ новаго Военскаго Устава о наказаніяхъ указанъ только общій размѣръ дисциплинарныхъ наказаній, но не опредѣлены права начальниковъ въ назначеніи оныхъ. По всей вѣроятности, правила эти, какъ составляющія предметъ военнаго судопроизводства, будутъ изданы по окончательномъ утвержденіи новаго Устава о наказаніяхъ, или отдѣльно въ видѣ особаго къ нему приложения, или войдутъ въ положеніе о военномъ судопроизводствѣ, которое съ измѣненіемъ закона о наказаніяхъ подлежитъ также преобразованію (*). Но тѣмъ не менѣе, мы рѣшаемся заявить теперъ же наши мысли объ этомъ предметѣ, хотя бы только для того, что бы вызвать людей, болѣе насъ свѣдущихъ и опытныхъ въ дѣлѣ военнаго законодательства, принять участіе въ разъясненіи вопроса, несоотвѣтствующее рѣшеніе котораго можетъ невыгодно отразиться на сохраненіе въ войскахъ дисциплины, составляющей основаніе, краеугольный камень всякой благоустроенной арміи.

До сихъ поръ, дѣйствующимъ закономъ, право на исправительное тѣлесное наказаніе нижнихъ чиновъ, не избавленныхъ отъ него, было разграничено по старшинству званія начальниковъ такимъ образомъ: «Полковой командиръ или равную съ нимъ власть имѣющій начальникъ, кромѣ прочихъ исправительныхъ наказаній, могъ опредѣлять подчиненнымъ ему, не имѣющимъ особыхъ правъ, нижнимъ чинамъ, до 200 ударовъ розга-

(*) Намъ достовѣрно извѣстно, что правила эти уже составлены и будутъ помѣщены въ видѣ особаго приложения къ новому Военскому Уставу о наказаніяхъ.

ни. Младшій же штабъ-офицеръ и ротный командиръ могли назначать только до 100 ударовъ» (*).

Въ 124 ст. новаго Воинскаго Устава о наказаніяхъ сказано: «Взысканія по правиламъ военной дисциплины, коимъ подвергаются нижніе чины, не имѣющіе особыхъ правъ состоянія и не изъятые по закону отъ наказаній тѣлесныхъ, суть слѣдующіе:

- 1) Нарядъ не въ очередь на службу.
- 2) Арестъ съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ въ казармѣ или на гауптвахтѣ, на время не свыше двухъ недѣль.
- 3) Назначеніе унтеръ-офицера исправлять временно должность рядоваго.
- 4) Пониженіе унтеръ-офицера въ рядовые.
- 5) Смѣщеніе унтеръ-офицера и рядоваго на низшія степени или на меньшіе оклады.
- 6) Лишеніе нашивокъ.
- 7) Наказаніе розгами до 100 ударовъ, безъ увеличенія срока службы».

Имѣя въ виду, что дисциплинарныя тѣлесныя наказанія въ новомъ уставѣ уменьшены на половину противу прежняго, можно вывести заключеніе, что право наказанія розгами до 100 ударовъ должно принадлежать только командиру полка, или другому, равную съ нимъ власть имѣющему начальнику. Затѣмъ является вопросъ, какое право на тѣлесное наказаніе нижнихъ чиновъ должно быть предоставлено младшимъ штабъ-офицерамъ и ротнымъ командирамъ?

Займемся разсмотрѣніемъ этого вопроса, полагая, что новый законъ не имѣлъ въ виду уничтожить власть означенныхъ лицъ на дисциплинарныя тѣлесныя наказанія.

Для этого необходимо войти въ нѣкоторыя отдѣльныя соображенія.

До 1845 г. размѣръ тѣлесныхъ исправительныхъ наказаній безъ суда, по чинамъ ближайшихъ начальниковъ, слѣланъ не былъ. И каждый старшій начальникъ ограничивалъ размѣръ ихъ по своему усмотрѣнію. Нѣкоторые начальники предписывали, чтобы вообще оберъ-офицеры не смѣли назначать подчиненнымъ имъ нижнимъ чинамъ болѣе 25 ударовъ розгами и пр.

(*). См. I приложение къ V части 1-й книги «Свода. Воен. Пост.», §§ 3 и 18.

Болѣе опредѣленные правила на этотъ предметъ были предписаны къ частному руководству еще въ 1815 г., въ приказѣ по 12-й пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенантомъ графомъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ. Читатели «Военнаго Сборника» уже знакомы съ этимъ приказомъ: онъ напечатанъ во 2-мъ № за нынѣшній годъ. Но такъ какъ нѣкоторые изъ его положеній имѣютъ значеніе въ примѣненіи къ занимающему насъ вопросу, то мы и обратимъ на нихъ вниманіе. Слѣдующія статьи въ особенности имѣютъ для насъ интересъ:

1) «Никакое лицо въ ротѣ, кромѣ настоящаго въ ротѣ командира, не имѣетъ права наказывать нижнихъ чиновъ ни однимъ ударомъ».

2) «Ротный командиръ имѣетъ право, по хладнокровному и безпристрастному разсмотрѣнію вины, какъ начальствующими частями въ ротѣ ему рапортованной, такъ и самимъ имъ усмотрѣнной,—положить наказаніе и привести оное въ дѣйствіе, съ тѣмъ однако, чтобъ сіе наказаніе ни въ какомъ случаѣ не превышало сорока ударовъ и только тогда бы было опредѣлено, когда оно неотмѣнно покажется нужнымъ, за что капитанъ всегда находится въ отвѣтственности».

3) «Такъ какъ солдатъ, который еще никогда тѣлесно наказанъ не былъ, гораздо способнѣе къ чувствамъ амбиціи, достойнымъ настоящаго война и истиннаго сына отечества, и скорѣе можно ожидать отъ него хорошей службы и примѣра другимъ, то должно съ такимъ поступать еще съ вѣщшею осмотрительностью и осторожностью, нежели какія съ прочими нужны; поелику наказаніе, унижающее такого солдата, въ одну минуту истребляетъ всѣ плоды, которые отъ хорошаго поведенія черезъ долгое время онъ себѣ досталъ, то таковыя солдаты исключаются изъ числа тѣхъ, кои въ ротѣ наказаны быть могутъ, и наказаніе имъ опредѣлено быть должно только въ полку».

Нельзя не согласиться, что подобныя правила, особенно судя по времени ихъ изданія, чрезвычайно замѣчательны. Графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ доказалъ продолжительною своею службою, что его мнѣнія, до всѣхъ предметовъ къ военной службѣ относящихся, могутъ и должны имѣть почетный авторитетъ. И если онъ находилъ возможнымъ и полезнымъ для службы примѣненіе ихъ къ дѣлу прежде, то ничѣмъ нельзя доказать, чтобъ они теперь были у насъ преждевременны.

Въ настоящее время правительство наше заявило стремленіе къ возвышенію нравственнаго чувства въ нижнихъ чинахъ уменьшеніемъ мѣры тѣлесныхъ наказаній; теперь у насъ нравственность нижнихъ чиновъ никакъ не можетъ считаться ниже противу 1815 г.; наконецъ, принятыя и имѣющія уже результатъ мѣры къ умственному развитію солдата, показываютъ, что на нравственность нижнихъ чиновъ можно дѣйствовать благотельно, при развитіи понятій солдата, и другими, не столь унижительными для военнаго званія мѣрами. По этому, кажется, что мѣры, которыя были предписываемы относительно размѣра тѣлесныхъ наказаній графомъ Воронцовымъ, не были бы слабы и въ нынѣшнее время. Скорѣе можно допустить смягченіе наказаній, опредѣленныхъ графомъ Воронцовымъ, потому, что вообще размѣръ ихъ теперь чрезвычайно уменьшенъ противу 1815 г.

Предоставленіе права наказывать тѣлесно нижнихъ чиновъ, еще ни разу такъ не наказанныхъ, только командиру полка, кажется намъ въ высшей степени основательнымъ; оно вполне согласитъ безпристрастіе съ строгостію военной дисциплины и вмѣстѣ будетъ содѣйствовать къ возвышенію нравственнаго чувства солдата. Разумѣется, можно ожидать болѣе хладнокровія, слѣдовательно и безпристрастія отъ начальника, пенаходящагося подъ вліяніемъ раздраженія, нежели ротнаго командира, который, будучи личнымъ свидѣтелемъ проступка подчиненнаго, можетъ чаще находиться подъ вліяніемъ страстей. А потому мы полагаемъ, что всякое подобное наказаніе должно быть производимо, для полнаго безпристрастія, не иначе, какъ приказомъ по полку или командѣ.

Право же наказывать уже оштрафованныхъ нижнихъ чиновъ ротнымъ командирамъ, предоставленное приказомъ 1815 г. по 12-й дивизіи, также имѣетъ за собою основательность. Во-первыхъ, примѣръ этого мы видимъ въ нѣкоторыхъ иностранныхъ войскахъ; во-вторыхъ, всякое наказаніе, слѣдующее тотчасъ за преступленіемъ, имѣетъ гораздо большее значеніе, внушаетъ болѣе страха, и слѣдовательно успѣшнѣе можетъ дѣйствовать на исправленіе виновныхъ. Но для обезпеченія солдатъ отъ возможнаго пристрастія или превышенія власти, было бы полезно постановить, чтобъ о всякомъ наказанномъ ротнымъ командиромъ солдатъ, тотчасъ, если сіе неудобно, то впослѣдствіи, о всѣхъ наказанныхъ доносили бы командиру полка, поясняя причины наказаній. Тогда представится возможность командиру полка слѣдить

за дѣйствіями по этой части ротныхъ командировъ; а обязанность о каждомъ наказанномъ по рѣшенію полковаго командира объявлять въ приказѣ по полку доставить возможность контроля старшему начальнику; такъ какъ копіи съ приказовъ по частямъ представляются старшему начальнику ежемѣсячно.

Посему введеніе въ законъ правилъ относительно наказанія нижнихъ чиновъ ротными командирами, предписанныхъ графомъ Воронцовымъ, кажется намъ чрезвычайно полезнымъ и своевременнымъ теперь, но съ тѣмъ, чтобъ разрѣзъ наказанія еще болѣе былъ облегченъ.

IV.

124-я статья новаго Устава о наказаніяхъ, избранная нами для разсужденія, заставляетъ обратиться еще къ одному, весьма важному вопросу, имѣющему значительную важность.

Въ этой статьѣ, наказанія, по правиламъ военной дисциплины, назначены *нижнимъ чинамъ, не имѣющимъ особыхъ правъ состоянія и неизъятыхъ отъ наказаній тѣлесныхъ*. Подъ словомъ *нижніе чины* разумѣются всѣ *солдаты*, не дослужившіеся до офицерскаго званія. Подлежатъ ли опредѣленному этой статьѣ тѣлесному наказанію унтеръ-офицеры? (*)

Унтеръ-офицеръ обязанъ слѣдить за службою и нравственностію подчиненныхъ ему рядовыхъ. Между послѣдними часто встрѣчаются имѣющіе нашивки, которые, до лишенія ихъ, тѣлесно наказываемы быть не могутъ, есть и такіе изъ подчиненныхъ унтеръ-офицерамъ рядовыхъ, которые даже, по нынѣ дѣйствующимъ законамъ, за преступленія въ первый разъ, не подлежатъ тѣлесному наказанію и подвергаются ему только впадши въ другой разъ въ преступленіе, когда они уже лишены бывшихъ у нихъ знаковъ отличія военнаго ордена, Св. Анны и медали за спасеніе погнбавшихъ. Если за такими рядовыми долженъ наблюдать унтеръ-офицеръ, то весьма естественно, что до тѣхъ поръ, пока носить это званіе, онъ долженъ пользоваться, если не большими, такъ по крайней мѣрѣ, одинаковыми пра-

(*) Намъ также достоверно извѣстно, что вопросъ объ изъятіи унтеръ-офицеровъ отъ тѣлесныхъ наказаній безъ суда, возбужденъ уже и, по всей вѣроятности, въ скоромъ времени будетъ окончательно разрѣшенъ.

вами съ его подчиненными, т. е., быть избавленнымъ отъ тѣлеснаго, безъ суда, наказанія. Притомъ, наказанія эти производятся подчиненными же, чрезъ что неминуемо ослабляется уваженіе къ званію унтеръ-офицера, къ своему старшему. Случается, что провинившійся рядовой, послѣ сдѣланныхъ ему *битымъ* унтеръ-офицеромъ замѣчаній или наставленій, если и не выразитъ прямо ему, то скажетъ своимъ товарищамъ, что начальникъ немногимъ его лучше, если онъ самъ подвергался постыдному наказанію розгами.

У унтеръ-офицера, въ свою очередь, является, къ сожалѣнію, перѣдко, послѣ подобнаго наказанія желаніе выместить испытанную имъ боль на какомъ нибудь другомъ, конечно, на томъ, кто по менѣе имѣетъ голоса: сдѣланное ему взысканіе отразится толчкомъ, или чѣмъ нибудь и посильнѣе, на скромномъ рядовомъ, въ особености рекрутѣ. Но даже, еслибъ подобный унтеръ-офицеръ и не былъ золъ, еслибы на немъ одномъ и оканчивалось полученное имъ взысканіе, то и тогда не будетъ безъ послѣдствій: долго ему будетъ совѣстно предъ подчиненными, часто будетъ ему казаться, что они втихомолку подтруниваютъ и подсмѣиваются надъ нимъ; у него у самага уменьшится уваженіе къ себѣ, не говоря уже о томъ, что со стороны подчиненныхъ оно падаетъ.

Нечего и говорить, что при подобныхъ случаяхъ или дисциплина, опирающаяся по преимуществу на уваженіи младшихъ къ старшимъ, должна ослабѣть, или нужно будетъ для поддержанія ея увеличить строгость наказанія для прочихъ нижнихъ чиновъ.

По поводу новаго закона любопытно знать, дѣйствительно ли законы, нынѣ дѣйствующие, допускаютъ тѣлесное наказаніе унтеръ-офицеровъ и дозволяютъ оставлять ихъ, послѣ унижительныхъ взысканій, въ тѣхъ же начальствующихъ званіяхъ.

Въ Сводѣ Военныхъ Постановленій нигдѣ не сказано положительно, что унтеръ-офицеръ избавленъ отъ тѣлеснаго наказанія. Но за то, въ свою очередь, нельзя найти и постановленія, которое бы указывало, что можно подвергать его такому наказанію безъ лишенія этого званія.

Если же не указано закономъ прямо, что унтеръ-офицера нельзя наказывать тѣлесно, то изъ одного этого еще не слѣдуетъ, чтобы всякій начальствующій имѣлъ право его подвергать такому. Намъ кажется, что самый порядокъ исправительныхъ на-

казаній для нижнихъ чиновъ, указанный въ прежнемъ законѣ и теперь внесенный въ 124 ст. Устава о наказаніяхъ, опредѣляетъ уже косвенно, что съ унтеръ-офицерами нельзя обращаться въ этомъ отношеніи, какъ съ остальными нижними чинами, неимѣющими никакихъ особыхъ преимуществъ. Подобно тому, какъ рядовой, имѣющій нашивку, наказывается тѣлесно только по лишеніи ихъ; точно также и въ отношеніи унтеръ-офицера должно быть поступаемо; иначе это званіе имѣло бы менѣе правъ, чѣмъ нашивка рядового.

На этомъ косвенномъ выводѣ изъ закона о наказаніи унтеръ-офицеровъ, сдѣлаю въ нѣкоторыхъ частяхъ нашихъ войскъ частное, но оффиціальное распоряженіе, что унтеръ-офицера за проступки можно наказывать тѣлесно только тогда, когда онъ будетъ лишенъ своего званія. И слѣдовательно, только тотъ, кто имѣетъ право разжаловать унтеръ-офицера, можетъ опредѣлить ему тѣлесное наказаніе, но не иначе, какъ по предварительномъ лишеніи званія, утраченного уже по самому свойству проступка.

Хотя такимъ образомъ мы видимъ, что въ войскахъ уже признана мысль о необходимости избавить унтеръ-офицеровъ отъ дисциплинарныхъ тѣлесныхъ наказаній, но такъ какъ она прямого подтвержденія въ законѣ не встрѣчаетъ, то и не вездѣ примѣняется къ дѣлу. Намъ кажется, что вышесказанныя нами мысли о положеніи наказаннаго унтеръ-офицера, ясно указываютъ на необходимость точнаго въ законѣ опредѣленія о наказываніи ихъ. Такъ какъ, съ изданіемъ новаго «Воинскаго Устава о наказаніяхъ», представляется случай положить конецъ такой неопредѣленности, то было бы весьма полезно воспользоваться имъ, опредѣливъ, хотя въ видѣ примѣчанія къ 124-й ст. новаго Устава, что *унтеръ-офицеръ наказывается тѣлесно только по лишеніи своего званія.*

Л. КЛУГЕНЪ.